

## ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

*Аджигова Ая Магомедовна*

аспирант, методист

ФГБОУ ВПО «Ингушский государственный университет»

г. Назрань, Республика Ингушетия

### РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ИНГУШСКОГО ОБЩЕСТВА

*Аннотация:* автор отмечает, что при анализе степени продвижения того или иного общества по пути модернизации следует изучать не только произошедшие трансформации в социальной, экономической, политико-правовой сферах, но и в первую очередь социокультурные условия, так как невозможно понять специфику, уровень и характер модернизационных изменений вне социокультурного контекста. В данной работе рассматривается религиозно-культурный фактор в контексте социальной модернизации на примере ингушского общества.

*Ключевые слова:* шариат, имам, медресе, мектебы, духовенство, муллы, коран, ингуши, общество, адат, секта, закият, религия, догмат.

Еще депутат Государственной Думы Марков говорил, что «теократия – есть переходная ступень к образованию гражданского государства» [5, с. 197].

Оценивая мусульманское духовенство, партийные органы в 1921 году отмечали, что оно лишено экономического могущества, но сильно «своим культурным превосходством», и из-за отсутствия школ «на почве проснувшегося у населения спроса на просвещение мы стоим перед угрозой сдачи одной из важных командных высот в руки мусульманского духовенства, которое до Октябрьской Революции являлось монопольным носителем и проводником схоластического просвещения на Кавказе» [9, с. 190].

16 декабря 1922 года Наркомат по делам национальностей разослал циркулярное письмо о преподавании догматов ислама в школах. «В некоторых случаях

наблюдаются репрессии в отношении мулл за обучение ими догматам ислама в мечетях, в других же случаях дело доходит до полного разрешения муллам обучения исламу в советских школах». Разъяснялось, что нельзя подвергать репрессиям мулл за обучение догматам в мечетях, на дому у себя и в частных домах, по приглашению граждан. Нельзя закрывать богословские школы, содержащиеся за счет добровольных приношений частных лиц. Разъяснялось, что «под богословскими школами понимаются школы, в коих обучаются специально догматам веры совершеннолетние граждане, и к таковым школам не могут быть отнесены так называемые медресе и мектебы». Преподавание догматов религии в советских школах и в частных школах, где обучаются общеобразовательным предметам, не допускалось.

Но и год спустя на Краевом совещании заведующих агитпропа в ноябре 1923 года говорилось: «В горских аулах все еще сильно влияние духовного элемента, соединяющего в себе патриархального учителя, судью и блюстителя нравов» [9, с. 134].

В 1923 году военный комиссар 9-го корпуса, расположенного на Северном Кавказе, сообщал, что «в Ингушетии шариат вовсе отмер. Созданный было шариат[ский] суд распался за ненужностью». Хотя в целом по Северному Кавказу лишь в 1930 году констатировалось: «Не только шариат, но и адат начинают терять свое значение...» [3, д. 2583, л. 1].

В конце 1923 – начале 1924 гг. проходила Общекавказская конференция по ликвидации неграмотности, на которой Ингушетию представлял т. Мальсагов. Предполагалось, что «для ликвидации азбучной неграмотности на родном языке, в виде исключения, можно привлечь лиц, закончивших образование в арабских высших школах – советских мулл, муталлимов, но, конечно, останавливаясь серьезно на этом вопросе и производя выбор весьма тщательно» [4, д. 99, л. 52].

В то же время краевое совещание заведующих агитпропом в ноябре 1923 года четко постановило: «дело просвещения нацмен должно находиться всецело в руках государства» [6, д. 680, л. 88], «в частности – недопустимы встречающиеся явления вытеснения советской школы церковью или медресе... Для

ослабления влияния мулл необходимо принять меры к отсечению экономических корней этого влияния, действуя в этом направлении достаточно осторожно, дабы не вызвать эксцессов среди мусульманского населения» [6, д. 680, л. 91].

А.И. Микоян в 1924 году предлагал рассмотреть вопрос о налогах на мулл об освобождении от налогов мулл, лояльных к Советской власти, и указывал: «По этому вопросу я спрашивал тов. Зязикова, который сообщил, что в Ингушетии духовенство свободно от подоходно Общекавказская поимущественного налога, и они не предполагают ввести» [8, д. 45, л. 16].

В 1924 году циркулярное письмо ОГПУ разрешило духовные мусульманские школы для детей и несовершеннолетних в Чечне и Дагестане. В других районах Северного Кавказа, в том числе в Горской Республике духовные мусульманские школы для детей и несовершеннолетних не допускались. Допускалось преподавание мусульманского вероучения в мечетях (не в школах) лицам, окончившим советскую школу 1-й ступени, или достигшим 14-летнего возраста (т. е. совершеннолетия по шариату), во внеучебные часы. Запрет предлагалось мотивировать тем, что преподавание корана требует предельного возраста и определенного минимального образования [9, с. 202].

Существованию параллельной системы образования придавался характер борьбы. В 1924 году председатель окружного исполкома Ингушетии писал: «Школьный вопрос принял уже политический характер, от того как он разрешится, зависит судьба арабской школы, являющейся наиболее реакционным фактором ингушской общественности» [9, с. 223]. В 1925 году отмечалось, что в Ингушетии «даже комсомольцы ходят иногда в мечеть и молятся аллаху» [2, с. 56]

В 1925 году советские просветители жаловались, что «литературы на родном языке нет... В частности большая нужда ощущается в литературе, направленной на борьбу с некоторыми вредными оттенками быта, как кровная месть, закрепощение женщины, магометанство с арабскими школами (Ингушетия)...» [2, с. 53]

Член ЦКК Р.Ф. Землячка после поездки в города Грозный и Владикавказ доложила о своей поездке, и Бюро Северо-Кавказского крайкома РКП(б) приняло постановление относительно Ингушетии: «Обсудить вопрос о возможности включения в отдельных случаях в состав суда муллу при разборе вопросов чисто бытового порядка» [8, д. 127, л. 9].

Было подсчитано, что в Ингушетии 6 крупных сект, насчитывающих 14000 человек (20% населения). Крупнейшей была секта «Кунта-Хаджи» (до 11000 последователей). Члены этих сект назывались «мюридами». «По материалам Обкома, существующие религиозные секты особенное влияние на молодежь не проявляют», говорилось в партийных документах. Больше влияние оказывало на детей духовенство через привлечение их в арабскую духовную школу «Хударе». При наличии пионерской организации 8,2% пионеров обучались в «Хударе» [8, д. 378, л. 83].

По другим данным, в 1926 году в Ингушетии на 71 тысячу населения мюридов было до 10 тысяч. Мусульманского духовенства – 65 человек [8, д. 389, л. 43].

В 1926 году партийные органы констатировали: «В качестве серьезных и опасных явлений констатируется интенсивное проникновение в быт масс отрицательных спутников современной культуры (пьянство, падение нравственности), против чего, к сожалению, пока интенсивно борются шейхи, кадии и мулла, а не партийные организации и комсомол» [4, д. 85, л. 257]. В итоге авторитет духовенства и духовных школ оставался высоким. Школы работали зимой и летом. Крестьяне добровольно платили за обучение своего ребенка по 10 рублей и делали приношения натурой [8, д. 378, л. 83].

Тезисы ЦК ВКП(б) «Об антирелигиозной пропаганде», вышедшие в апреле 1926 года, рекомендовали: «Шариат, адат (уруфь), завоевавший значение не менее корана, должны быть подвернуты критике в равной мере». Однако критику предполагали вести очень осторожно: «Существование мусульманских религиозных школ создает опасность внедрения религии в молодежь, что обязывает обратить внимание соответствующих органов на укрепление и развитие советских

школ. Однако при использовании советских школ для антирелигиозной пропаганды соблюдать большую осторожность и не перегибать палки в этом вопросе, могущем вредно отразиться на посещаемости школ» [9, с. 387]. Одновременно Крайнациздат в 1926 году писал, что параллельно с изданием учебников и учебных пособий на латинской основе приходится издавать общественно-политическую и сельскохозяйственную литературу на арабской основе для взрослого населения [3, д. 535, л. 114].

В 1926 году религиозное и светское обучение в Ингушетии находились в состоянии равновесия. Арабских низших школ было 25 (1392 обучающихся), а советских 1-й ступени – 23 (1377 обучающихся). Мечетей сохранялось 143, а пункты ликвидации неграмотности и школы малограмотных сократились с 30 до 12, к 1926 году их закончили 681 человек [8, д. 606, с. 44].

По другим данным в 1926 году в Ингушетии было 7 школ-медресе, в которых обучалось 60 человек, низших арабских школ – 22, учеников в них до 1000 человек [8, д. 389, л. 43].

Доходы мечетей в Чечне и Ингушетии достигали размера единого сельхоззалага [8, д. 606, л. 45].

В 1927 году «методической агитацией против советских школ ингушскому духовенству удалось увеличить ученический состав арабских школ с 540 человек, в начале года, до 800 человек, к концу его», – сообщало ОГПУ [9, с. 553].

8 августа 1927 г. было принято постановление оргбюро ЦК ВКП(б) «О мерах борьбы с мусульманским религиозным движением». 1-й пункт гласил, что «одной из важнейших причин роста мусульманских религиозных школ при мечетях является недостаточное развитие и плохая постановка советских школ в соответствующих национальных республиках и областях», поэтому надо было принять меры к улучшению постановки советской школы. Преподавание мусульманского вероучения допускалось для лиц, достигших 14-летнего возраста и окончивших группы 1-й ступени советской школы, при их добровольном согласии обучаться вероучению. В Северо-Кавказском крае к этому процессу

должны были приступить с началом учебного года и закончить к началу учебного года в 1929 г. Предметам обучения могло быть «исключительно мусульманское вероучение и связанное с этим изучение арабского языка. Допускается при этом для... Ингушетии изучение родного языка». Срок обучения устанавливался годичный (в Средней Азии, Чечне и Дагестане – 2 года). «Препятствовать постройке новых зданий для религиозных школ, предоставляя при этом возможность свободного и беспрепятственного использования зданий мечети...» [9, с. 501]. Предполагалось усилить работу среди женщин, так как мусульманское духовенство стремится овладеть растущей активностью работниц и крестьянок, бороться с сосредоточением в руках духовенства экономических функций (ссудные операции, прокат сепараторов и т. д.), запретить денежное и натуральное обложение всего населения в пользу религиозных школ, изъять из рук мулл ведение актов гражданского состояния [9, с. 502]. 18 августа 1927 года Политбюро в своем решении указало, что улучшение советской школы имеет целью «сокращение и потом ликвидацию религиозных школ» [9, с. 503].

Начиная переподготовку учителей, советские структуры отмечали, что в Ингушетии и Чечне преподаватели – главным образом лица, окончившие религиозные арабские школы (Медресе), и лишь частично в последнее время – комсомольцы, прошедшие срочные курсы по подготовке учителей [4, д. 357, л. 61].

Резолюция 2-го Пленума Нацкомиссии Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) «Об антирелигиозной пропаганде в национальных областях» гласила: «Считать необходимым теперь же разворачивание кружков антирелигиозников и кружков союза безбожников в областных центрах, в окружных центрах и в аулах» [8, д. 839, л. 21].

В июне 1927 года Пленум Национальной комиссии Северокавказского Крайкома принял резолюцию, в которой говорилось, что «отказ от соблюдения религиозных обрядов со стороны членов партии является одним из необходимых методов агитации действием в Автономных областях» [8, д. 606, л. 9].

Позже отмечалось, что даже областной партийный актив «бояться показаться в глазах населения безбожником и потерять «авторитет» [8, д. 835, л. 36].

Было обращено внимание на религиозные секты, которые стали квалифицироваться как «религиозные политические организации». Указывалось, что особенностью Чечни и Ингушетии является то, что «наряду с официальной мечетью и духовенством, по корану, сунне (религиозным обычаям ислама) и иджме (постановлению верующих) регулирующими жизнь прихода, – имеются особые своеобразные религиозные организации (ордена), во главе с шейхом (святым). В противоположность реализму официальной мечети этим религиозным организациям свойствен аскетизм и мистицизм». Говорилось, что эти «ордена» являются не только религиозными организациями. Это «форма военно-политической клерикальной организации масс местной буржуазией» [8, д. 606, л. 37]. Считалось, что «эта активность духовенства принимает характер широкой психологической подготовки масс к контрреволюционным выступлениям и имеет достаточно серьезное политическое значение» [8, д. 606, л. 47]. По новым подсчетам в ряды мюридов было вовлечено от 30 до 35% населения Ингушетии в возрасте от 18 лет и выше [8, д. 606, с. 47]. В резолюции было сказано: «Выделить из общего состава национальных областей Северного Кавказа Чеченскую область и Ингушетию, где имеются в наличии особые религиозные политические организации (религиозные ордена мюридов), имеющие значительное влияние на политическую жизнь масс, связанные с кулацкими слоями аула и частными торговцами. Провести в этих областях необходимые мероприятия по уничтожению экономического и политического влияния духовенства на трудящиеся массы, в ударном порядке» [8, д. 606, л. 32]. Мероприятия включали в себя создание курсов по сельскому хозяйству «для крестьян от сохи, батраков и горянок», курсов по переподготовке низовых советских кооперативных работников, усиление санитарной и гигиенической пропаганды, введение «всеобщего обучения», увеличение количества мест в Крайкомвузе для работников из Чечни и Ингушетии, создание «Общества по борьбе с вредными обычаями», усиление работы среди «женских масс» [8, д. 606, л. 33–36].

Интересно, что шейхов на тот период не было ни в Ингушетии, ни в Кабардино-Балкарии, ни в Адыгее, ни в Осетии. 1 шейх был в Карачаево-Черкесии и

19 шейхов в Чечне [8, д. 389, л. 43]. Таким образом, при наличии мюридов по всем национальным областям, духовным центром, где были буквально «сконцентрированы» шейхи, становилась Чечня.

Считалось, что духовенство оживило свою деятельность. «Духовенство говорит, что «пришел конец мира»... И духовенство решило сделать все, чтобы оттянуть конец. Оно сопротивляется, проклинает, зовет на борьбу, приспособляет религию к духу времени (НЭПа), ждет Имама-Хаджи» [8, д. 606, л. 39].

«Производство» новых кадров духовенства шло довольно быстро. «Нет почти ни одного аула, где не было бы арабской религиозной школы... При многих школах существует своеобразная «аспирантура» (муталимы), из которых вырабатываются будущие муллы» [8, д. 835, л.40].

Было обращено внимание, что секта Кунта-Хаджи «по своей дисциплинированности и даже социальному составу... превосходит Ингушскую партийную организацию (подавляющее большинство сектантов бедняки)» [8, д. 835, л. 39–40].

Наблюдалось разделение духовенства на консервативное и «либеральное». Либеральное крыло духовенства называло себя «революционным» и хотело реформировать ислам – сократить число молитв, признать советскую школу и необходимость изучения наук (естествознание, физика), а также говорило о необходимости предоставления прав женщине [8, д. 828, л. 58].

25 июня 1928 года бюро Северо-Кавказского крайкома поручило Ингушскому обкому разработать и доложить решения по вопросу изъятия закиата [8, д. 677, л. 41].

«Коллективизация идейно разоружила мулл. В самых глухих аулах вы можете найти закрытые мечети, можете увидеть горцев-безбожников, культармейцев, активистов ОДН и т. д.» [1, с. 22].

### ***Список литературы:***

1. Адат и Шариат. На борьбу с национальными традициями – за социалистическую культуру // Культпоход. – 1931. – №8.
2. Бобрышев В. Политпросвет. Работа среди нацмен // Народное просвещение. – 1925. – №4.



3. ГАРО, ф. Р-1485, оп.1. д. 535.
4. ГАРФ, ф. Р-1235, оп. 122, д. 85.
5. Кавказский запрос в государственной думе: Полн. речи всех ораторов по офиц. стеногр. – Тифлис, 1909. – 280 с.
6. РГАСПИ, ф. 17, оп. 60, д. 234.
7. РО, ф. 7, оп.1, д. 127.
8. ЦДНИРО, ф.7, оп.1, д. 835.
9. ЦК РКП(б) -ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 1. 1918–1933. – М., 2005.